

Василий Аксенов

Прощай, Ха-Ха век!

*Часть сборника
Логово Льва. Забытые рассказы*

Василий Аксенов

Прощай, Ха-Ха век!

«Издательство АСТ»

2007

Аксенов В. П.

Прощай, Ха-Ха век! / В. П. Аксенов — «Издательство АСТ»,
2007

«Прощай, Ха-Ха век!» - беседы В.П. Аксенова с Ириной Барметовой.

© Аксенов В. П., 2007

© Издательство АСТ, 2007

Содержание

Случайных совпадений не бывает	5
Прощай, Ха-Ха век! Беседы с Ириной Барметовой	7
Облискурация Аксенова	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Василий Павлович Аксенов

«Прощай, Ха-Ха век!»

Издательство благодарит за помощь сотрудников архива
«Литературной газеты»

Случайных совпадений не бывает

Свидетельствую: зрелый Аксенов, свирепо именовавший даже своих знаменитых «Коллег» (1960) и «Звездный билет» (1962) «детским садом», очень не любил, когда ему напоминали о его *первой* публикации 1958 года, сильно кривился, имея на это полное право, но отнюдь не обязанность.

Потому что без этих ранних, наивных «Асфальтовых дорог» и «Дорогой Веры Ивановны» знаменитый Василий Аксенов, из джинсового пиджака которого, как из гоголевской «Шинели», вышла вся новая русская проза, – далеко «не полный».

Нужно было звериное писательское чутье тогдашнего редактора суперпопулярного журнала «Юность» Валентина Катаева, чтобы разглядеть в экзерсисах безвестного выпускника Ленинградского мединститута нечто стоящее, неуловимо отличающееся от расхожей «оттепельной» комсомольско-молодежной лабуды про парткомычей «с человеческим лицом» и честных советских ребят, которые верны «заветам отцов», хоть и любят американский джаз. Говорили, что мэтра восхитила фраза молодого автора «стоячая вода канала похожа на запыленную крышку рояля». Такого он давненько не слышал и не читал. Здесь же и «пепельница, утыканная окурками, похожая на взбесившегося ежа», и «темные углы военкомата», и «официант с каменным лицом жонглера».

Раннего Катаева, будущего Героя Социалистического Труда, награжденного двумя орденами Ленина, углядел автор «Окаянных дней» Иван Бунин, будущего «отщепенца и антисоветчика» Аксенова – Катаев. Круг замкнулся. Всем всё зачтется.

Первые рассказы этого сборника – наглядная иллюстрация того, как «Вася из Казани», обладающий природным даром и горькими знаниями о жизни, на какое-то время *пытался заставить* себя поверить в искренность заведомых коммунистических лжецов, утверждавших, что к прошлому нет возврата. Он, сын репрессированных родителей, получивших нечеловеческие сроки советских лагерей, пытался *честно* вписаться в систему, но быстро понял, что это, увы, невозможно. И, самое главное, не нужно, *неправильно*. Что с этими красными чертами нельзя, не получится договориться *по-хорошему*. И нужно для начала удалиться от них в другие, недоступные им сферы. Ну, например, туда, «где растут рододендроны, где играют патефоны и улыбки на устах». Или на теплоход, идущий под радиомузыку из «Оперы нищих» по сонной северной реке. Там чудеса, там героические летчики в «длинных синих трусах» неловко прыгают в воду, плавают не стильно, а «по-собачьи», глупо острят, но все же обладают неким таинственным знанием о законах «катапульти», которое пока что недоступно двум спортивным столичным пижонам...

А эти пижоны станут лет эдак через десять отчаявшимися, спившимися героями аксеновского шедевра, первого его свободного от власти и цензуры романа «Ожог», который он начал писать в стол сразу же после «чехословацких событий» 1968 года. «Перемена образа жизни» аукнется в «Острове Крыме». Рассказ «О похожести» – в «Новом сладостном стиле» и «Кесаревом свечении». Аргентинский скотопромышленник Сиракузерс обернется персонажем народного гиньоля под названием «Затоваренная бочкотара».

Процесс пошел, процесс идет. Случайных совпадений в жизни не бывает. 20 августа 1937 года, ровно в тот день, когда ему исполнилось пять лет, Василий Аксенов, будущий кумир многих поколений российских читателей был свезен в дом для детей «врагов народа». Всхлипывая, он впервые заснул на казенной кровати, прижав к мокрой щеке любимую игрушку, тряпичного *львенка*. Эта книга называется «Логово льва».

Евгений Попов Июнь 2009

Прощай, Ха-Ха век! Беседы с Ириной Барметовой

Облискурация Аксенова

Не ищите это слово в словарях – его там нет, как и слова «плентоплевательство». Их придумал Василий Аксенов для своего романа «Вольтерьянцы и вольтерьянки», полагая, сидя в саду своего дома. Роман писался три года, почти столько же Аксенов живет во Франции, на берегу Атлантического океана. Ранее обитал на другом берегу того же океана. Первая публикация «Вольтерьянцев и вольтерьянок», которую предваряла эта беседа, произошла в журнале «Октябрь» в 2004 году, тогда же роман был удостоен Букеровской премии.

Живость повествования, обилие комических ситуаций, гротесковых образов, нагромождение невероятных событий, фантастических приключений, претендующих тем не менее на достоверное отображение реалий тех дней, – все это есть в романе Аксенова. Как говорил Пушкин: «Улыбка, взоры, нежный тон /Красноречивей, чем Вольтеры, / Нам проповедают закон / И Аристипов, и Глицеры». А еще автор виртуозно растворил в своем тексте цитаты, размышления, письма, суждения философа и Северной Семирамиды так, что поиски, кто что сказал и кто что придумал, станут для тех, кто впервые возьмется за чтение, делом увлекательным.

– Несколько лет назад я читал книгу о переписке Вольтера и Екатерины Второй, там много было цитат из писем, которые звучали своеобразным диалогом очень близких людей, чуть ли не влюбленных, даже с некоторыми моментами ревности. И я подумал: сочинить бы в английском жанре true stories which never happened – правдивые истории, которых не было, – такую как бы анекдотическую историю с ощущением правдоподобия, наполнив ее множеством достоверных деталей, не очень серьезную, как часто у меня бывает в начале, а потом углубить... Особенно меня пленяла идея встречи Вольтера и Екатерины. В реальности они не встречались, во всяком случае мы не знаем об этом, а здесь императрица назначила бы философу свидание где-то в Европе и на свидание выехала на стопушечном корабле... И так, между делом, начал заполнять альбом, толстый такой, различными сведениями об эпохе, деталями, именами, убранствами мундира Семеновского или Преображенского полков, выражениями, какими-то эпиграммами. Заполнил один, потом второй альбом: то так напишу, то поперек страницы, то косо, – в общем, набралась куча всего. Прочитал дневники Екатерины, которые, к сожалению, так быстро обрываются, серьезный фундаментальный труд супругов Дюранов – «Век Вольтера», без него я бы вообще не написал романа. Какие-то стишки вольтеровские переводил... Все это накапливалось, накапливалось – вдруг появлялся кусок прозы, например, выход линейного корабля в море... Потом перескакивал к другому. Пока не почувствовал: можно начинать последовательное повествование. Сначала возник зрительный образ – двое юношей в треуголках, натянутых на брови, мчатся по обледеневшей дороге – тата-тата-тата, – они уже слились с конями, разбивают лужи замерзшие, закат над Северной Европой, на закате – тонкий месяц, все это такие видения Европы, и они скачут, скачут... Потом появились, как ни странно, клички лошадей – Тпру и Ну, потом иностранные – Антр-Ну, Пуркуа-Па, значит – они с фальшивыми французскими документами. И так вот два мальчишки стали секретными агентами...

– Это похоже на игру в роман.

– Вот именно – просто повествование, сочинительство. Никаких заранее подготовленных идей, планов, интересовало лишь, что получится с этим материалом в результате моей

конструктивной такой деятельности. И это был главный кайф работы. Я не знал, что будет на следующей или через десять страниц.

– *В результате этой деятельности получился старинный роман, по авторскому определению. Одним из героев которого, причем полноправным, является язык повествования. Он с самого начала властно заявляет о себе, удивляет и притягивает. В нем – сочетание в стиле рококо архаики с языком допушкинской поры, щедро одобренным калькированными французскими оборотами и словами... Коктейль, из которого, может быть, и вырос современный русский язык?*

– Да, самым страшным для меня было – найти язык. Иногда я был на грани того, чтобы бросить все это. Потом все-таки удалось поймать интонацию, в которой можно было использовать архаику и в то же время наш день туда встроить.

– *Язык, как и полагается герою, в течение всего романа меняется.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.